DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.046
УДК 94(47)“1917/18” + 338(09) +
+ 338.516.24

В. М. Рынков
Институт истории СО РАН
Новосибирск, Россия

**В ПРЕДДВЕРИИ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА:
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ХЛЕБНОГО РЫНКА РОССИИ
(февраль-октябрь 1917 г.)***

Целью статьи является анализ продовольственной политики Временного правительства в контексте предшествовавшей ей царской и последующей советской. Тематические рамки ограничены важнейшим продуктом заготовки и потребления в России в изучаемый период — хлебом. Автор детально анализирует законодательство о заготовках хлеба с ноября 1916 до сентября 1918 г., на основании опубликованных и архивных документов прослеживает последовательное усиление государственного регулирования, обосновывает вывод о том, что действия власти привели к сокращению товарной доли производимой в России зерновой продукции. Мероприятия Временного правительства весной 1917 г. были нацелены на изъятие хлеба у торговцев и крупных производителей путем реквизиций. Это способствовало сокращению посевов в частновладельческих хозяйствах, увеличению доли внутреннего потребления в крестьянских хозяйствах. Для преодоления негативных последствий инфляции и падения на ее фоне объемов хлебозаготовок Временное правительство наметило летом 1917 г. комплекс мер. Он включал прямую организацию посевов в крупных хозяйствах, использование местным населением частного инвентаря и сельскохозяйственной техники для производства посевных и уборочных работ, прямой товарообмен промышленных изделий на хлеб с целью извлечения запасов хлеба у крестьян. Эти меры не были рассчитаны на нормальные рыночные взаимоотношения государства и производителей продовольствия и могли сработать только при эффективном контроле над крестьянством и возможности применения силы. До логического завершения все эти меры довело советское правительство.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Временное правительство; революция 1917 г.; хлебозаготовки; разверстка; хлебная монополия; цены.

Когда говорят о проблеме продовольственного обеспечения населения и армии как одной из предпосылок Февральской революции 1917 г., имеют в виду прежде всего перебои со снабжением хлебом городского и промышленного населения, а также нарушение товарных связей между городом и деревней, обнаруживавшихся в первую очередь в сфере обращения хлеба. Но и так называемой «революционной демократии» решить проблему не удалось. Осенью 1917 г. вопрос о власти оставался тесно связан с вопросом о хлебе. Данное

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-01-00067 «Зерновая проблема в Сибири в XX веке: этап, методы, решения»

© Рынков В. М., 2017

обстоятельство заставляет исследователей снова и снова концентрироваться именно на «хлебе насущном» как важнейшем аспекте революционного процесса и одной из ключевых его движущих сил.

Продовольственная политика Временного правительства неоднократно становилась предметом пристального внимания историков. В советское время доминировала оценка ее как буржуазной по своему характеру и провальной по результатам [Лозинский, с. 124–144; Волобуев, с. 383–468; Китанина, 1985, с. 302–355]. Как показали советские авторы, в регулировании цен Временное правительство ориентировалось на интересы крупных и средних производителей хлеба, а принудительные меры были нацелены на изъятие зерна у мелких и средних. Отказываясь от принудительного отчуждения зерна и фуража у держателей крупных товарных запасов и установив на них цены, близкие к рыночным, буржуазно-демократический режим обрек широкие слои города и деревни на голод и дороговизну. Авторы новейших публикаций также полагают, что Временное правительство «сохранило приверженность предпринимательским интересам» [Китанина, 2016, с. 343]. Другой подход можно найти в исследовании Н. Д. Кондратьева, который главную проблему видел в излишнем государственном регулировании, имевшем слабую корреляцию с реальными процессами на хлебном рынке [Кондратьев]. Новые акценты придает такой оценке М. В. Оськин, называя сбой в распределении хлеба ключевым недостатком продовольственной политики между Февралем и Октябрем [Оськин, 2015; 2016].

Данное исследование нацелено на анализ влияния перемен в государственной продовольственной политике, вызванных революционными потрясениями 1917 г., на продовольственное положение страны. В первую очередь речь пойдет о трансформации хлебного рынка и зернового хозяйства России под воздействием политических факторов. Хронологические рамки ограничены периодом от Февраля до Октября.

Приступая к изучению избранной темы, нельзя обойти вниманием назревшие еще в недрах царского режима изменения продовольственной политики. За 1914–1916 гг. площадь посевов сократилась на 8,7 % под влиянием оккупации германскими и австро-венгерскими войсками западных губерний Российской империи и на 6,7 % под влиянием внутренних условий. К таковым Н. Д. Кондратьев отнес дефицит рабочей силы, инвентаря, недостаток семян [Кондратьев, с. 121–124]. Он же отметил двух-трехкратное сокращение кредита под хлеботорговые операции, которое происходило в основном за счет торговых операций. Объем ссуд сельскохозяйственным производителям оставался прежним, а кредитование мелких хозяев даже усилилось благодаря кооперации [Там же, с. 145–146]. При этом накануне революции убыль рабочих рук удалось компенсировать за счет беженцев и военнопленных в крестьянских хозяйствах на 1,6 %, а в предпринимательских — на 30 % [Труды Совещания..., с. 47]. В результате крупные производители товарного хлеба лишились кредитов, но сохранили льготное обеспечение рабочими руками, а мелкие полутоварные,

полупотребительские хозяйства расширили кредит, но выращивали хлеб в условиях острого дефицита трудовых ресурсов.

Однако благоприятные погодные условия обеспечили неплохой урожай хлебов в 3,5 млрд пудов и примерно 700 млн пудов товарных излишков. Вместе с нереализованными излишками прошлых лет запасы хлеба составили 1370–1400 млн пудов и превосходили потребности армии и населения (1120 млн пудов) [Волобуев, с. 386]. Если за 14 месяцев войны цены на хлеб выросли на 17 %, то за лето 1916 г. — на 23 %. Плохие виды на урожай и ожидание пересмотра твердых цен в сторону повышения заставили продавцов придерживать хлеб и вывозить его на ссыпные пункты только по повышенным ценам, которые предлагали частные скупщики и продовольственные организации городов [Обзор хлебного рынка..., с. 5, 22]. Казна столкнулась с недозаготовкой. К 16 ноября 1916 г. правительственные уполномоченные закупили из нового урожая 201 млн пудов хлеба. Из этого количества они получили 73 млн пудов, сдали интендантству 34 млн пудов [Известия Министерства земледелия, 1916, № 47, с. 985]. Документы позволяют уточнить структуру заготовок. По ведомостям Особого совещания по продовольствию, из заготовленных к 7 ноября 1916 г. 72,1 млн пудов хлеба, рожь и пшеница в зерне или муке составляли только 30 млн пудов, ячмень и овес — 40 млн пудов и крупы — 2,1 млн пудов [РГИА, ф. 457, оп. 1, д. 1009, л. 125]. Как справедливо отмечает М. В. Оськин, основной проблемой стало не наличие хлеба вообще, а умение власти взять его и доставить до адресата [Оськин, 2011, с. 55]. Возникла острая необходимость либо кардинально увеличить заготовку, либо резко сократить нормы потребления.

Если до осени 1916 г. заготовительный аппарат руководствовался интересами армии, то в дальнейшем назрело решение об участии государства в снабжении и гражданского населения. Хорошо налаженная до войны инфраструктура хлебного рынка с выходом на него государства как нового доминирующего участника испытала серьезные потрясения. К осени 1916 г. на рынке выжили только спекулятивные участники, а все прочие работали в убыток. Рыночные цены поползли вверх и утратили связь с твердыми. В результате частноторговые институты потеряли возможность эффективно снабжать население [Тагирова, с. 69], а сформировавшиеся за время войны общественные заготовительные организации могли действовать только под патронажем государства.

Последним министром земледелия стал А. А. Риттих. В день своего утверждения на этом посту, 29 ноября 1916 г., он издал постановление о введении продовольственной разверстки. К такому шагу его сподвиг кризис на хлебном рынке лета 1916 г. Решение о введении разверстки не стало неожиданностью ни для министерства, ни на местах. Заседание Особого совещания по продовольствию, окончательно решившее ввести разверстку, состоялось 3 ноября 1916 г., а информационное письмо об ожидаемом в ближайшее время официальном объявлении о разверстке губернским уполномоченным разослало 12 ноября [РГИА, ф. 456, оп. 1, д. 129, л. 3–5]. Детали проведения разверстки на местах разъяснялись в распоряжении министра земледелия от 2 декабря. В нем обязанность

доставлять подлежащий сдаче хлеб и фураж на станции и пристани возлагалась на владельцев. Уполномоченные получили право создать сеть приемных пунктов там, где расстояние от мест производства до станций и пристаней превышало 20 верст. Министр предписал к 14 декабря произвести поуездную разверстку, к 20 декабря — волостную, к 24 декабря — поселенную и к 31 декабря — похозяйственную [Известия Министерства земледелия, 1916, № 49, с. 1029–1030]. Общее количество разверстанного хлеба составляло 772 млн пудов (из них 285 тыс. пудов ржи, 189 тыс. пудов пшеницы, 150 тыс. пудов овса), которые назначили к сдаче в первом полугодии 1917 г. На 14 хлебопроизводящих губерний европейской части России приходилось 69,3 % всей разверстки [Кондратьев, с. 201–205; Материалы по вопросам организации..., с. 3, 29].

Организация разверстки в губерниях была возложена на земства. Во многом это произошло под давлением Государственной думы, в которой порядок проведения разверстки обсуждался с 24 ноября по 16 декабря. При этом сам министр отметил, что перебои с закупкой хлеба связаны не с недоверием правительству, а с жестким лоббированием интересов потребителей, в том числе земствами [Гальперина, с. 40, 44]. 9 сентября 1916 г. заготовительные цены были установлены ниже рыночных, что и привело к сокращению предложения хлеба [Кондратьев, с. 389–398]. Но земства и городские продовольственные органы, частные торговцы сохраняли возможность закупать хлеб по повышенным ценам после выполнения населением разверстки. В результате продовольственные мероприятия власти привели к тому, что и торговцы, и производители в начале 1917 г. решили попридержать свой хлеб, не предъявляя его на рынок.

Для стимулирования сдачи хлеба министр ввел ряд льготных мер. От разверстки освобождались уже сделанные торговые запасы. Она накладывалась только на производителей. Сданный после объявления, но до проведения разверстки хлеб стали зачитывать в наряд разверстки. Казна готова была взять на себя доставку хлеба на ссыпные пункты, а за доставку крупных партий даже устанавливалось повышенное вознаграждение. Современники и исследователи считали эти меры достаточным аргументом, чтобы обвинить министра в потворстве крупным хлеботорговцам. На деле в первые недели вознаграждение оказалось незначительным и, по отзывам с мест, мало стимулировало подвоз хлеба [Материалы по вопросам организации..., с. 6]. Но впоследствии цены на подвоз росли и весной 1917 г. давали надбавку к ценам сентября 1916 г. почти на треть [Кондратьев, с. 259].

Промежуточные результаты «риттиховской» разверстки оценивались по-разному. Сам министр утверждал в начале февраля 1917 г., что спас страну от голода, задание почти выполнено, и половина разверстанного хлеба уже свезена к станциям. Между тем, к 30 января 1917 г. губернские совещания разверстали по уездам только 83,3 % назначенного к разверстке объема хлеба, уездные — 29,6 %, а волостные органы приняли к разверстке только 1 % [Материалы по вопросам организации..., с. 25]. Поступление хлеба государственным уполномоченным в январе 1917 г. (57 млн пудов) немного превышало прошлогоднее (55,7 млн

пудов), февральское (41 млн пудов) оказалось существенно ниже прошлогоднего (67 млн пудов), а мартовское (69 млн пудов) опять немного превзошло показатели марта 1916 г. (62,8 млн пудов) [Кондратьев, с. 365]. Имевшийся у крупных производителей хлеб тщательно укрывался от учета. Пришлось даже вводить комиссионное вознаграждение лицам, сообщавшим об избытке хлеба у соседей [Пензенская губерния..., с. 15].

Временное правительство с первых дней своего существования приступило к реорганизации продовольственных органов. 2 марта продовольственная комиссия Временного комитета Государственной думы и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов под председательством В. Г. Громана распорядилась организовать на местах продовольственные комитеты (губернские, уездные, волостные, мелкорайонные и городские) «на широких демократических началах». 7 марта это решение подтвердил министр земледелия А. И. Шингарев. Представительство в местных продовольственных комитетах получили земства, союзы кооперативов, советы рабочих и крестьянских депутатов, профессиональные союзы, сельскохозяйственные общества [Известия Министерства земледелия, 1917, № 9, с. 167–168]. Учрежденный 11 марта 1917 г. Общегосударственный продовольственный комитет встал во главе местных организаций. Он заменил упраздненное Особое совещание по продовольствию [Там же, № 10, с. 175–176]. 25 марта 1917 г. постановление Временного правительства уточнило состав и полномочия продовольственных органов на местах. Теперь представительство получили предпринимательские организации и специалисты в области сельскохозяйственного производства (агрономы, статистики и пр.) [Там же, № 11, с. 193–197]. Чтобы исключить перерывы в продовольственной работе и преемственность, постановление предписывало упразднять организации уполномоченных Министерства земледелия лишь по мере создания продкомов, получавших от преемников все дела, кредиты и товарные запасы. Но едва сформировавшись, продовольственные органы на местах претерпели трансформацию составов. Этот процесс протекал вне всякого правового регулирования и являлся результатом «революционного творчества масс». Летом из большинства продовольственных комитетов были устранены представители «технических» организаций. Их заменяли на выборных от советов, а нижестоящие продовольственные комитеты стали блокировать решения вышестоящих [Волобуев, с. 401–403].

В начале весны такого поворота событий в правительстве еще не предвидели и рассчитывали на создание работоспособных и управляемых местных учреждений. Чтобы заготовительная работа не прекратилась, отдел заготовок Министерства земледелия распорядился уполномоченным Министерства земледелия по заготовке хлеба и фуража для действующих армий продолжать исполнение своих обязанностей до избрания губернских и областных продовольственных комитетов и передачи им всех полномочий по заготовкам [ЦГИА РБ, ф. и-343, оп. 2, д. 18, л. 77].

6 марта 1919 г. Временное правительство утвердило постановление о создании Особого управления по продовольствию. Революционность этой меры

заклучалась не только в учреждении особого ведомства, но и в том, что его основу составило подразделение общественной организации: отдел продовольствия Всероссийского земского союза [Журналы заседаний..., т. 1, с. 41–42]. Уже на стадии принятия данного решения обозначился серьезный конфликт. Министр земледелия А. И. Шингарев высказал возражение против передачи вновь учреждаемому ведомству Отдела сельского хозяйства, существовавшего в структуре Всероссийского земского союза. Он предложил влить его в Министерство земледелия. Этот факт объясняет, почему самодержавие воздерживалось от организации специального ведомства продовольствия, поручив работу по заготовкам продуктов для армии Министерству земледелия. Это был единственный способ избежать дублирования. Решение же Временного правительства привело к тому, что функции и интересы двух министерств и их местных органов в сфере регулирования производства продовольствия и выработки мер по его стимулированию стало практически невозможно размежевать.

5 мая 1917 г. Временное правительство приняло решение о создании Министерства продовольствия. Министром был назначен А. В. Пешехонов, принимавший участие в работе Временного правительства уже со следующего заседания. Но до 1 июня управление делами министерства временно возложили на А. И. Шингарева [Журналы заседаний..., т. 2, с. 369–370]. Положение о Министерстве продовольствия Временное правительство утвердило 1 июня и ввело в действие с 1 июля 1917 г. Новому ведомству передавались в распоряжение все учреждения, кредиты и товарные запасы Министерства земледелия, связанные с «исполнением мероприятий по продовольственному делу и снабжению населения предметами первой необходимости» [Сборник указов и постановлений..., с. 91–116].

Как самостоятельное ведомство Министерство продовольствия стало функционировать фактически только с июля месяца. Для реализации собственного курса продовольственной политики времени ему было отведено мало, и это оказалось время быстрой утраты контроля над ситуацией на местах центральными органами Временного правительства. Хлебозаготовительную политику Временного правительства в большей степени определяло Министерство земледелия, заложившее нормативный и организационный базис хлебной монополии. Но на этом основании обойти вниманием Положение о Министерстве продовольствия будет неверно. Данный нормативный акт отразил новую концепцию продовольственной политики, реализовать которую суждено было уже советской власти. Положение предполагало сосредоточить в едином ведомстве заготовки всех основных продовольственных товаров (хлеба, мяса, животного и растительного масла, яиц, овощей, сахара, чая, кофе, соли и табака), первичную его переработку (размол, просушку), хранение, транспортировку и распределение среди потребителей. Это же ведомство призвано было осуществлять снабжение производителей сельскохозяйственной продукцией, семенами, машинами, инвентарем, материалами, промышленными товарами.

Усложнение организационной структуры центральных продовольственных органов нашло обоснование в новой революционной идеологии. Государство принимало на себя заботу об удовлетворении нужд и чаяний производителей продовольствия. Многие меры прямого государственного регулирования оправдывались и объяснялись целью не допустить сокращения посевных площадей. 6 марта 1917 г. на Министерство земледелия возложили обеспечение сельскохозяйственных производителей семенными материалами [Известия Министерства земледелия, 1917, № 10, с. 175]. 28 марта на то же министерство возложили еще более широкий круг обязанностей — снабжать производителей помимо семян еще и металлами, орудиями производства, рабочими руками и кредитами. В структуре Министерства земледелия для этих целей учредили комитет по учету посевной площади [Там же, № 12, с. 214–215]. У данной меры существовал прообраз. Экономический отдел Всероссийского земского союза 22–24 ноября 1916 г. провел Собрание по организации посевной площади, наметившее мероприятия, возложенные на отдел [Труды Собрания...]. В соответствии с постановлениями упомянутого собрания, на вновь созданный комитет возложили снабжение производителей семенами, объединение мер продовольственных органов, земств и кооперации по поддержке сельскохозяйственных производителей, распределение рабочих рук между частновладельческими и крестьянскими хозяйствами [Известия Министерства земледелия, 1917, № 27, с. 567]. 6 июня 1917 г. Министерство продовольствия приняло на себя обязанность заготавливать, доставлять и распределять среди населения ткани, обувь, керосин, мыло и другие товары, отнесенные к «изделиям первой необходимости» [Журналы заседаний..., т. 2, с. 214; Известия Министерства земледелия, 1917, № 22, с. 428–429].

Весной 1917 г. у новой революционной власти сложилась иллюзия, что все сбои и пробуксовки в заготовках хлеба остались позади. Они якобы возникали вследствие недоверия населения к прогнившему монархическому режиму, а народной власти для устранения накопившихся проблем достаточно создать авторитетные органы. Понадобилось несколько месяцев, чтобы развеять эту иллюзию. 11 апреля 1917 г. Временное правительство обратилось к производителям хлеба с призывом продолжать засеивать свои поля, трактуя это как «долг перед Родиной». Посевы при этом были объявлены «достоянием Государства», а охрану посевов и инвентаря власть возложила на население. Эту охрану должны были организовать местные продовольственные комитеты [Известия Министерства земледелия, 1917, № 13, с. 235]. В инструкции, разъяснявшей постановление от 11 апреля 1917 г., продовольственным комитетам разрешалось производить принудительный засев пустующих земель. Для этого предполагалось образовать специальные рабочие дружины из военнопленных или солдат и учащихся [Там же, № 20, с. 404]. Данную меру Временному правительству реализовать не удалось. Тем не менее, в мае 1917 г. А. И. Шингарев оптимистично рапортовал, что, вопреки опасениям, первые всходы революция дала в виде роста посевов [Там же, № 16, с. 313]. Однако с таким оптимизмом

плохо стыковались сведения о положении с сельскохозяйственными машинами. Их продажи в 1915 г. сократились примерно вдвое, в 1916 г. составляли 10–12 % от довоенного объема, к лету 1917 г. сократились до 2 % [Известия Министерства земледелия, 1917, № 18, с. 356, 358]. Столь же неоптимистичны были сообщения с мест о погромах крестьянами не только крупных помещичьих латифундий, но и хуторских хозяйств крестьян. Основания охранять товарный хлеб крупных производителей от расхищения у власти были. Ведь в соответствии с объявленной монополией он практически целиком считался собственностью государства. Следовательно, под охрану пытались поставить хлеб, подлежащий отчуждению в пользу государства и посевы, на которых он произрастал.

Шансов получить товарный хлеб от крупных производителей-латифундистов становилось все меньше, так как они воздерживались от новых посевов. Можно было только извлечь их товарные остатки и попытаться организовать производство принудительно. Другой альтернативой могли стать меры принуждения средних и мелких производителей-крестьян. Эволюция продовольственной политики Временного правительства в обоих направлениях происходила постепенно, но последовательно.

Первоначально Временное правительство сохранило хлебную разверстку, внося в нее существенные коррективы. На основании циркуляра А. И. Шингарева от 2 марта 1917 г. на владельцев, посевы которых превышали 50 десятин, накладывалась реквизиция. Кроме того, в разверстку включили торговые запасы, которые полагалось также реквизировать. Реквизиции следовало производить без понижения твердых цен. Именно данная оговорка послужила основанием для советских историков утверждать, что данная мера оказалась чуть ли не более буржуазной, чем предшествующий царский курс. Действительно, до Февральской революции в случае реквизиции продовольствия компенсация владельцу была на 15 % ниже действовавших твердых цен [Китанина, 1985, с. 303–304]. Но необходимо помнить, что ранее реквизиции применялись как санкция за утайку продовольствия, тогда как теперь ее использовали как ординарную меру заготовок.

Главным мероприятием Временного правительства по урегулированию продовольственного вопроса считают введение хлебной монополии. Первоначальная инициатива исходила от председателя продовольственной комиссии В. Г. Громана, получившего полное одобрение в Петроградском совете [Волобуев, с. 392; Китанина, 2016, с. 340]. Предварительное решение по этому вопросу было принято Временным правительством 10 марта 1917 г. на основании устного предложения А. И. Шингарева [Журналы заседаний..., т. 1, с. 69]. Окончательное законодательное оформление оно получило в утвержденном 25 марта 1917 г. Временном положении о передаче хлеба в распоряжение государства. В соответствии с Положением в хозяйствах оставался только хлеб, необходимый для посевов следующего года, обеспечения внутренних продовольственных и фуражных потребностей. Остальное подлежало отчуждению по твердым ценам. Всех владельцев хлеба — произведенного, заготовленного для продажи или потребления — государство обязало предоставлять продовольственным органам

сведения об имеющемся у них количестве хлеба и собственных потребностях в нем. Определение норм, на основании которых исчислялось количество оставляемого в хозяйствах хлеба, возложили на губернские продовольственные комитеты. Владельцев хлеба обязали доставлять его до ссыпных пунктов на основании правил, действовавших при «риттеховской» разверстке [Известия Министерства земледелия, 1917, № 11, с. 191–193].

Еще одним новшеством стало введение обязательных твердых цен как при государственных заготовках, так и при покупке хлеба частными торговцами и общественными организациями. Выпущенная 17 апреля 1917 г. «Инструкция о заготовках хлеба и зернового фуража на комиссионных началах» позволяла губернским продовольственным комитетам устанавливать точные суммы комиссионного вознаграждения за посредничество при заготовке, упаковке и хранении хлеба [Оськин, 2016, с. 356]. Но утверждать, опираясь на упомянутые документы, что Временное правительство заботилось о частных интересах, как это делали советские исследователи [Волобуев, с. 396–397; Китанина, 1985, с. 312], нет никаких оснований. Главными посредниками государства в 1917 г. становились кооперативные организации, а не частные торговые фирмы. Именно с кооперативами и заключалось абсолютное большинство подобных договоров. Только в контексте данного обстоятельства следует воспринимать допуск к хлебозаготовкам на комиссионных началах торгово-промышленных организаций наряду с кооперативными.

Представление об отсутствии результатов государственной хлебной монополии также нуждается в корректировке. Во многих губерниях за несколько недель произвели учет хлеба крупных посевищиков и торговых запасов. Весной 1917 г. продовольственные органы оценивали все запасы приблизительно. После окончания распутицы приступили к реквизициям. В Могилевской губернии количество реквизированного хлеба составило 10–12 тыс. пудов на уезд [ГАРФ, ф. 1783, оп. 1, д. 168, л. 8]. В Тобольской губернии путем реквизиции у крупных посевищиков и торговцев к концу весны заготовили 1095 тыс. пудов пшеницы, 86 тыс. пудов ржи, 23 тыс. пудов овса, 24 тыс. пудов пшеничной муки [Там же, л. 17]. В апреле 1917 г. Тобольский губернский продовольственный комитет пошел даже дальше правительства, приняв решение о реквизиции хлеба у владельцев 15–20 десятин посевов, и признал желательным проведение общей реквизиции хлеба [Там же, л. 131]. Такой шаг представляется вполне закономерным на фоне отказа производителей, независимо от размера посевов, поставлять хлеб по твердым ценам. Часть продовольственных органов также саботировала монополию. Резоны приводились разные — от отсутствия необходимости в реквизициях, в связи с тем, что хлеб подвозится крестьянами по твердым ценам добровольно (Акмолинская область, Оренбургская губ.), до утверждения об отсутствии владельцев, запахивающих более 50 десятин (Пермская губ.) [Там же, л. 65, 89; д. 172, л. 148].

Однако, если посмотреть на динамику заготовок хлеба после введения государственной монополии, то нельзя не признать, что произведенные учет

и реквизиции имели эффект. Если в апреле 1917 г. государственные запасы хлеба удалось пополнить на 30 млн пудов (против 35,7 млн пудов в 1916 г.), то уже в мае заготовки составили 77 млн пудов (против 54,7 млн пудов предыдущего года), а в июне — 62 млн пудов, значительно превзойдя соответствующий месяц 1916 г. (34,5 млн пудов) [Кондратьев, с. 231]. Государственные заготовки хлеба вышли на максимальные показатели за всю историю мировой войны. Но приведенную статистику можно интерпретировать и иначе. За полгода было собрано 336 млн пудов, или половина от назначенного А. А. Риттихом к разверстке количества. Необходимо учесть еще одно обстоятельство. Раньше уполномоченные Министерства земледелия закупали хлеб только для армии, а гражданское население снабжалось частными заготовителями, мукомолами либо продовольственными и кооперативными организациями, конкурировавшими друг с другом на рынке. Теперь снабжение тыла происходило только через продовольственные комитеты.

Проблема заключалась не только в действии продовольственных органов. А. В. Пешехонов в приказе о мерах к устранению препятствий к уборке урожая от 18 июля 1917 г. признавал, что постановление об охране посевов не действовало.

Крестьяне препятствуют уборке хлебов сельскохозяйственными машинами, снимают с работ на полях казенных и частновладельческих и других имений военнопленных, постоянных и пришлых рабочих; принуждают владельцев и арендаторов платить военнопленным за труд более установленной правительственной властью платы... насильственно захватывают хлеба и кормовые продукты, покосы, живой и мертвый инвентарь; препятствуют сбору хлебов и трав, молотье, подготовке полей к озимым посевам, производству посевов [Известия Министерства земледелия, 1917, № 24, с. 502].

Далее министр грозил и владельцам, не принимающим действенные меры к защите своих посевов, ответственностью по суду, а попустительствующим произволу населения членам продуправ всех уровней — уголовными взысканиями. Сообщения с мест рисуют еще более удручающую картину. Усадьбы крупных землевладельцев, хуторян и отрубщиков подвергались разгрому, товарные запасы хлеба и инвентарь вывозились крестьянами в свои деревни, земельные площади запахивались общинниками [Пензенская губерния..., с. 85–91]. Товарные запасы хлеба в итоге быстро сокращались и переходили в потребительский фонд.

Теряя контроль над деревней, власть летом 1917 г. пошла по пути усиления правовых оснований для вмешательства в частные хозяйства. 26 июля 1917 г. Министр продовольствия подписал приказ о принудительном доиспользовании сельскохозяйственного инвентаря. Он предусматривал изъятие у владельцев сельскохозяйственных машин и инвентаря, не эксплуатировавшегося ими с полной нагрузкой. Правда, пока еще закон признавал приоритет нужд самого владельца и заключенных им арендных договоров на эксплуатацию его техники на чужих полях, а принудительное использование — как дополнение к ним. Само

«доиспользование» имело временный и возмездный характер, происходило под контролем самого владельца [Известия Министерства земледелия, 1917, № 26, с. 534–535]. Однако данная мера стала основанием для того, чтобы волостные земельные комитеты произвели учет инвентаря в крупных хозяйствах и стали на их основе создавать прокатные пункты, а у крестьян появился стимул блокировать всякую возможность эксплуатации крупными владельцами своей сельскохозяйственной техники. В результате товарное производство хлеба в предпринимательских хозяйствах оказалось почти приостановлено. Но правительство интересовало во второй половине лета не столько производство, сколько изъятие оставшихся запасов хлеба у производителей.

Такая эволюция во многом объясняется динамикой государственных цен на зерно. С введением хлебной монополии закупочные цены были увеличены примерно на 70 %. Причем новые цены устанавливались 25 марта 1917 г., но действовали при оплате всех закупок со 2 марта, распространялись на хлеб нового урожая и остатки прежних лет. Такой шаг отнюдь не был чрезмерной уступкой производителям и торговцам. Экономический отдел Земского союза накануне повышения твердых цен сентября 1916 г. произвел подсчеты ценового паритета сельскохозяйственных и промышленных товаров. Оказалось, что цены на предметы промышленности в годы войны росли существенно быстрее, чем на продовольственные товары. Чтобы восстановить равновесие, необходимо было поднять твердые цены на хлеб в сентябре 1916 г. минимум на 60–70 % [Кондратьев, с. 260–261]. 9 сентября 1916 г. Министерство земледелия повысило твердые цены только на 30 %, т. е. лишь наполовину компенсировало возникший ценовой диспаритет. Мартовское повышение 1917 г. нельзя признать достаточным хотя бы потому, что за предыдущие полгода рыночные цены в Нечерноземье выросли на 58 %, в Черноземье на 40 %. 27 августа 1917 г. твердые цены на хлеб пришлось еще раз поднять, сразу двукратно. Но с весны до осени 1917 г. цены выросли в Нечерноземье в 2,7 раза, а в Черноземной полосе в 3,7. Следовательно, новое изменение твердых цен лишь отчасти компенсировало убытки производителя от сдачи хлеба государству. Нужно также помнить, что многие продовольственные органы сохранили весенние твердые цены или установили свои [Волобуев, с. 434]. Т. М. Китанина справедливо замечает, что такие ценовые скачки ударили по массовому потребителю хлеба — беднейшему крестьянству и рабочим. Она привела многочисленные факты протестов городских, рабочих и даже сельских продовольственных организаций потребляющих губерний [Китанина, 1985, с. 321–326]. Но были и другие факты. Продовольственные органы производящих губерний самовольно повышали заготовительные цены на том основании, что они в условиях инфляции не возмещали усилий крестьян и только стимулировали их к укрытию хлеба. Следует помнить, что крестьянство составляло четыре пятых населения страны, и интересы сельскохозяйственных производителей не были тождественны интересам крупной буржуазии.

В августе-сентябре 1917 г. крестьянство отказалось поставлять на рынок хлеб по новым ценам, по-прежнему далеким от рыночных. 6 сентября 1917 г.

Министерство продовольствия за отказ от сдачи хлеба по твердым ценам установило реквизицию с понижением цены на 30 % [ЦГИА РБ, ф. и-345, оп. 2, д. 82, л. 73 об.]. Именно в это время Временное правительство попыталось изъять хлеб у крестьян с помощью вооруженной силы. Другой альтернативой стало взятие на учет помещичьих усадеб с тем, чтобы с помощью местного населения или привезенных рабочих сжать хлеб [Липатова, с. 8; Пензенская губерния..., с. 98–99]. Результаты предпринятых усилий были более чем скромны. За август–октябрь 1917 г. правительственным органам удалось заготовить 74 млн пудов хлеба [Кондратьев, с. 365]. Из урожая осени 1917 г. государству не досталось почти ничего. Это не значит, что товарный оборот сжался до размера государственных заготовок. Просто большая часть хлеба вывозилась на рынок нелегально и доставлялась от производителей до потребителей спекулянтами. Хлебный рынок примитивизировался, ограничившись гужевыми и нелегальными железнодорожными перевозками, базарами.

Что касается крупных хлеботорговцев, то они уже не рассчитывали в 1917 г. вернуться на рынок в качестве серьезных участников. Интересный аспект взаимодействия революционной власти и буржуазии показал В. Я. Лаверычев. Сконцентрировавшиеся вокруг Центрального военно-промышленного комитета и Всероссийского союза торговли и промышленности предприниматели оценивали хлебную монополию Временного правительства как меру антигосударственную. Но при этом они не возражали против принудительного изъятия хлеба у производителей. Только осуществление монополии, начиная от заготовки хлеба и заканчивая распределением полученных запасов хлеба среди населения должно было, по их мнению, находиться в руках «технократов» — союзов хлеботорговцев, формирующих Совет при правительственных уполномоченных по продовольствию [Лаверычев, с. 315–318]. В условиях революции отдельные предприниматели рассчитывали выжить, представляя государству свои профессиональные навыки за небольшое вознаграждение.

Известно, что крупные хозяйства в России, занимая около 10 % посевных площадей, поставляли на рынок 35–40 % товарного хлеба. Остальное поступало из крестьянских хозяйств, имевших излишки. Крестьянский товарный хлеб подвержен наибольшему колебаниям. Значительно сокращают долю товарности крестьянских хозяйств не только неурожай, но и неблагоприятные условия сбыта. Крестьяне легко могли наращивать нормы внутривоспроизводственного потребления, что выступало удобной альтернативой сбыта хлеба на рынок. Именно так и произошло в 1917 г. Крупное производство оказалось практически уничтожено мероприятиями правительства и стихийным крестьянским «черным переделом». Частный хлеботорговый аппарат лишился значительной части своих капиталов, товарных запасов, а крестьяне предпочли потреблять больше хлеба, а не сдавать его государству себе в убыток. Продовольственная политика Временного правительства с первых недель носила антипредпринимательский характер. Решения Министерства земледелия, принятые в апреле–июле 1917 г., полностью лишили крупных и средних производителей стимула к товарному

производству хлеба. Новый этап в политике Временного правительство наметил с созданием Министерства продовольствия. Для получения хлеба из урожая следующего года правительству пришлось пойти на меры принуждения, включавшие даже взятие под государственный контроль и управление хозяйствами крупных и средних производителей хлеба. Временное правительство наметило многие меры, которые в дальнейшем реализовал и развил большевистский режим. Среди них организация посевов хлеба под контролем государства, проведение товарообменных операций и, наконец, принудительное изъятие хлеба у производителей по ценам, существенно ниже рыночных при запрете продажи хлеба по рыночной стоимости.

Источники

ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 1. Д. 168, 172.

Журналы заседаний Временного правительства : в 4 т. Т. 1 : Март-апрель 1917 г. / отв. ред. Б. Д. Додонов ; сост. Е. Д. Гринько, О. В. Лавинская. М. : РОССПЭН, 2001; Т. 2 : Май-июнь 1917 г. / отв. ред. Б. Д. Додонов ; сост. Е. Д. Гринько, О. В. Лавинская. М. : РОССПЭН, 2002.

Известия Министерства земледелия. Пг., 1916–1917.

Пензенская губерния в годы Первой мировой войны 1914 — март 1918 г. : в 2 кн. Кн. 2 : 1917 — март 1918 / отв. сост. В. В. Кондрашин. Прага : Sociosfera-CZ, 2014.

РГИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 129; Ф. 457. Оп. 1. Д. 1009.

Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып 2 : 5 мая — 24 июля 1917 г. Ч. 1. Пг. : Гос. тип., 1917.

Труды Совещания по организации посевной площади 22–24 ноября 1916 г. Доклады и постановления / Всерос. земск. союз. Совещание по организации посевной площади ; Гл. ком. Всерос. зем. союза. Экон. отд. М. : Тип. т-ва Рябушинских, 1917.

ЦГИА РБ. Ф. И-343. Оп. 2. Д. 18; Ф. И-345. Оп. 2. Д. 82.

Исследования

Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М. : АН СССР, 1962.

Гальперина Б. Д. IV Государственная дума (V сессия) и последний министр земледелия // Вестн. ТвГУ. Сер. «История». 2014. № 3. С. 34–52.

Китанина Т. М. Война, хлеб, революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917 г.). Л. : Наука, 1985.

Китанина Т. М. Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг.: экономика и экономическая политика : курс лекций. СПб. : Гуманитарная Академия, 2016.

Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М. : Наука, 1991.

Лаверычев В. Я. Буржуазия и продовольственный вопрос в 1917 году // Ист. зап. 1977. Т. 99. С. 312–321.

Липатова В. Л. Ошибка регионального масштаба: Хлебная монополия Временного правительства и ее последствия // Центр и периферия. 2015. № 4. С. 4–9.

Лозинский З. Экономическая политика Временного правительства. Л. : Прибой, 1929.

Материалы по вопросам организации продовольственного дела. Вып. 8 : Основные принципы хлебной разверстки / под общ. ред. А. Чайнова и Н. Макарова ; сост. И. Воейковым и др. М. : [б. и.], 1917.

Обзор хлебного рынка за август-сентябрь 1916 г. Пг. : [б. и.], 1917.

Оськин М. В. Продовольственная политика России накануне февраля 1917 года // Рос. история. 2011. № 3. С. 53–66.

Оськин М. В. Продовольственный вопрос в России в 1917 году: слабое место новой власти // Науч. ведомости. Сер.: История. Политология. 2015. № 7 (204). Вып. 34. С. 164–171.

Оськин М. В. Продовольственная проблема в России в 1917 году // Современные проблемы права, экономики и управления. 2016. № 2 (3). С. 355–361.

Тагирова Н. Ф. Хлебная торговля в России 1914–1917 гг.: коллизии рыночного и государственного регулирования // Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения / сост. С. М. Исхаков; отв. ред. Ю. А. Петров. М. : РОССПЭН, 2014. С. 62–75.

Статья поступила в редакцию 14.06.2017

Рынков Вадим Маркович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт истории СО РАН

630009, Новосибирск, ул. Николаева, 8

E-mail: vadsvet@list.ru

Rynkov, Vadim Markovich

PhD (History), Senior Researcher,

Institute of History, Siberian Branch of RAS
8, Nikolaev Str., 630090 Novosibirsk, Russia

Email: vadsvet@list.ru

**ON THE EVE OF WAR COMMUNISM: STATE FOOD POLICY
AS A FACTOR OF THE RUSSIAN GRAIN MARKET TRANSFORMATION
(February-October 1917)**

This article analyses the food policy of the Provisional government within the context of the preceding tsarist and the upcoming Soviet regimes. The topic under consideration is limited to grain, the most important staple food product in Russia of the period in question. The author analyses the grain procurement legislation from November 1916 to September 1918 in detail. Referring to published and archival documents, the author observes consistent intensification of state regulation, and demonstrates that the government's actions led to a decrease in the production of grain as part of the commodity production system. In spring 1917, the activities of the Provisional government focused on the withdrawal of grain from salespeople and major manufacturers by means of requisition, which contributed to crops reduction in private households, and increased the level of consumption of the crops produced in peasant households. To overcome the negative consequences of inflation and the decline of grain procurement, the Provisional government planned a range of measures that included direct organisation of sowing in large households, the use of private equipment and agricultural machinery by the local population for sowing and harvesting, direct exchange of manufactured goods for grain in order to later withdraw grain stocks from peasants. These measures were not meant for normal market relations between the state and food manufacturers, and could only work due to effective control over peasantry and the use of force. All these measures were further implemented by the Soviet government.

Key words: Provisional government; revolution of 1917; grain procurements; allotment; grain monopoly; prices.

Acknowledgements

The article is supported by the *Russian Scientific Foundation for the Humanities* (RGNF), research project 16-01-00067 “Grain Problem in Siberia in the 20th Century: Stages and Solution Methods”.

Chayanov, A., & Makarov, N. (Eds.). (1917). *Materialy po voprosam organizacii prodovol'stvennogo dela* [Materials on the Issue of Food Supply Organisation] (Iss. 8: Osnovnye principy hleboj razverstki [Basic Principles of Grain Taxation]). Moscow: [s. n.]. (In Russian)

Gal'perina, B. D. (2014). IV Gosudarstvennaja дума (V sessija) i poslednij ministr zemledelija [4th State Duma (V Session) and the Last Minister of Agriculture]. *Vestnik TvGU. Serija “Istorija”*, 3, 34–52. (In Russian)

Kitanina, T. M. (1985). *Vojna, hleb, revoljucija (Prodovol'stvennyj vopros v Rossii. 1914 – oktjabr' 1917 g.)* [War, Bread, Revolution (Food Issue in Russia in 1914 – October 1917)]. Leningrad: Nauka. (In Russian)

Kitanina, T. M. (2016). *Rossija v Pervoj mirovoj vojne 1914–1917 gg.: jekonomika i jekonomicheskaja politika: Kurs lekcij* [Russia in World War I 1914–1917: Economy and Economic Policy: Course of Lectures]. St Petersburg: Gumanitarnaja academia. (In Russian)

Kondratiev, N. D. (1991). *Rynok hlebov i ego regulirovanie vo vremja vojny i revoljucii* [Grain Market and Its Regulation during War and Revolution]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Laverychev, V. Ja. (1977). Burzhuzija i prodovol'stvennyj vopros v 1917 godu [Bourgeoisie and Food Issue in 1917]. *Istoricheskie zapiski*, 99, 312–321. (In Russian)

Lipatova, V. L. (2015). Oshibka regional'nogo masshtaba: Hlebnaja monopolija Vremennogo pravitel'stva i ee posledstvija [Regional Mistake: Provisional Government's Grain Monopoly and Its Consequences]. *Centr i periferija*, 4, 4–9. (In Russian)

Lozinskij, Z. (1929). *Jekonomicheskaja politika Vremennogo pravitel'stva* [The Economic Policy of the Provisional Government]. Leningrad: Priboy. (In Russian)

Obzor hlebnogo rynka za avgust-sentjabr' 1916 g. [Review of Grain Market between August and September 1916]. (1917). Petrograd: [s. n.]. (In Russian)

Os'kin, M. V. (2011). Prodovol'stvennaja politika Rossii nakanune fevralja 1917 goda [Russian Food Policy on the Eve of the February Revolution 1917]. *Rossijskaja istorija*, 3, 53–66. (In Russian)

Os'kin, M. V. (2015). Prodovol'stvennyj vopros v Rossii v 1917 godu: slaboe mesto novoj vlasti [Food Issue in Russia in 1917: The Weakness of New Power]. *Nauchnye vedomosti. Serija: Istorija. Politologija*, 7 (204), 34, 164–171. (In Russian)

Os'kin, M. V. (2016). Prodovol'stvennaja problema v Rossii v 1917 godu [Food Issue in Russia in 1917]. *Sovremennye problemy prava, jekonomiki i upravlenija*, 2(3), 355–361. (In Russian)

Tagirova, N. F. (2014). Hlebnaja trgovlja v Rossii 1914–1917 gg.: kollizii rynochnogo i gosudarstvennogo regulirovanija [Grain Trade in Russia 1914–1917: Market and State Regulation Collision]. In Yu. A. Petrov (Ed.), *Rossiia i Pervaja mirovaja vojna: jekonomicheskie problemy, obshhestvennye nastroyenija, mezhdunarodnye otnoshenija* [Russia in World War I: Economy Problems, Public Sentiments, International Relations] (pp. 62–75). Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Volobuev, P. V. (1962). *Jekonomicheskaja politika Vremennogo pravitel'stva* [The Economic Policy of the Provisional Government]. Moscow: AN SSR. (In Russian)

Received on 14 June, 2017